

Маргарита Синкевич: Как Вы пришли к решению стать священником?

Отец Иоанн (Макаренко): Это всегда сложный выбор, но у меня с детства был пример моего отца — священника. Я первенец в многодетной семье, на плечи которого родители возложили большие обязанности. Мне приходилось помогать в заботах о моих младших братьях и сестрах. Я девяти-рых вынынчил, а потом ушел из дома, поступил в музыкальное училище.

И, конечно, всегда ходил в храм. Во-первых, помогал отцу, будучи еще маленьким мальчиком, школьником. Потом, учась в музыкальном училище, стал иподьяконом — это особый чин в церкви, который прислуживает на архиерейских богослужениях. У меня всегда был перед глазами пример хороших священников, на которых я хотел быть похожим.

Конечно, пришлось в свое время претерпеть очень много. Даже от учителей. В 1985-м году, когда я пошел в первый класс, настрой против Церкви был ожесточенный. Я постоянно слышал в свой адрес насмешливые реплики: «сын попа», «поп»... Где-то обижался. Отец все время меня подкреплял: «Сынок, помни, что ты, даже если тебя оскорбляют, за Бога страдаешь, поэтому принимай это мужественно».

В первом классе (мне тогда было шесть лет) физрук подвешивал меня за крестик, когда пытался с меня его снять. Но, слава Богу, Господь дал мужества, и я с себя крест не снял. Мне отец всегда говорил: «Будут голову резать — возьми крест в рот и никому не отдавай его».

Помню, в четвертом классе я пришел на урок истории. У нас историю вела директор школы, она мне с ходу задала вопрос: «Ты с крестом пришел?» — «Да, с крестом» — «Так, вон

из класса! Пока не снимешь крест, в класс не заходи!» Это директор школы сказала! Позже, после нескольких случаев, когда она выгоняла меня с урока, директор смирилась с тем, что я ношу крест. Потом так, с издевкой, стала спрашивать меня теорию Дарвина. Ну, я с детства-то читал Библию с отцом и отвечал: «Вначале Господь сотворил Адама и Еву...» В ответ: «Двойка. Вон из класса!»

Спустя годы я встретил свою учительницу (уже старушкой с палочкой) в храме. Она подошла и сказала: «Прости меня». Вот такие метаморфозы произошли с человеком.

И со стороны одноклассников поначалу было много оскорблений. Когда же началась перестройка, когда люди массово стали креститься, тогда у них появилось какое-то уважение к Церкви и ко мне.

Видимо, с детства мой путь был предопределен. Бабушки в церкви говорили мне: «Ты, наверное, будешь батюшкой». Это настолько врезалось в мое естество, что я себя по-другому уже просто не чувствовал и не мыслил.

Поэтому после окончания музыкального училища я поступил в семинарию, где также встретил много замечательных людей, которые послужили мне примером. По окончании семинарии я женился и был рукоположен.

М. С.: Несмотря на столь грустные школьные воспоминания, вы в одном из своих интервью говорите о 80-х годах как о «чудесных». Почему?

О. И.: Чудесные — это о моем детстве. В школу я шел, как на каторгу. А детство свое я провел на улице. Это было особенно чудесно. Во-первых, я жил в многонациональном городе Чимкенте (это Южный Казахстан), где жили греки, немцы, татары, узбеки, казахи, ассирийцы... Я со всеми дружил.

В нашем районе особенно много было греков. Греки никогда не позиционировали себя атеистами. Они всегда ходили в храм. И среди прихожан их было абсолютное большинство. Дети росли, зная, что они христиане. Греческие семьи отмечали православные праздники, пекли куличи. На крестины или венчание собирались по пятьсот человек. Они хранили православные традиции и с уважением относились к тому, что я сын священника. Поэтому те друзья, с которыми я рос, были лучшие друзья в моей жизни. Несмотря на то, что греки ни разу не видели Родину, они гордились своим происхождением и надеялись, что уедут когда-нибудь в Грецию. Они даже говорили на понтийском наречии. Детство я с любовью вспоминаю. И даже к школе сейчас, спустя годы, отношусь с благодарностью и думаю: слава Богу, что в моей жизни было это время, потому что если бы не было этого — как бы я укрепился?

М. С.: Что самое трудное в служении священника?

О. И.: Самое трудное — это общение с людьми. Порой не знаешь, как подойти к человеку, как с ним общаться, и просишь у Бога мудрости. Кто-то приходит с открытым сердцем, и ты открываешь свое сердце в ответ, потому что искренне хочется помочь. Но не всегда бывает так, как хочешь ты...

Люди разные приходят: от приятных до совершенно неприятных. Но ты понимаешь, что должен подражать Христу в своем отношении к человеку. Господь не делил людей на красивых и некрасивых. Он относился с лицеприятием ко всем. Нам же трудно порой сдерживать себя, научиться принимать человека таким, какой он есть. В этом отношении священнику постоянно приходится работать над собой.

Трудно, конечно, и в том, что ты до конца не принадлежишь семье. Ты как врач. Если тебя вызвали, ты в любое время должен ехать к людям. Ты должен отдаться Церкви. Служение Церкви — это всегда самопожертвование, и даже жертвование семьей. Перед тем как принять хиротонию (священный сан), священник снимает кольцо и кладет его на престол в знак того, что он обручается с Церковью, что жена и дети отходят на второй план. Нужно найти себе такую спутницу жизни, которая это поймет. Это очень нелегко. И, к сожалению, современное священство страдает от того, что не всегда находятся такие спутницы, которые могут разделить труд священника и по-настоящему понять его. В последнее время, к сожалению, в семьях священников случаются разводы, что раньше было крайней редкостью.

М. С.: Патриарх Кирилл в интервью декабря 2016 года выразил глубокую озабоченность масштабами разрушения традиционных ценностей: «Почему нынешняя эпоха вызывает такое пессимистическое восприятие происходящего? Потому что деформации, разрушению подвергаются те стороны человеческой жизни, в глобальном масштабе, которые всегда были опорой человеческого бытия. Но никогда в глобальном масштабе не подвергалась сомнению роль мужчины и женщины. Никогда в глобальном масштабе не подвергалась сомнению ценность семьи, ценность нрав-

ственности. Любая культура, даже национальная, всегда стверлировала понятиями добра и зла. И если взять, допустим, художественную литературу любых стран и народов, там всегда есть ясное понимание того, кто есть положительный герой. Он был глобальным. Сегодня — совсем не так. Сегодня исчезает положительный герой. Сейчас нельзя сказать, что этот человек — носитель добра, а этот — носитель зла. Почему? Потому что работает постмодернистское сознание людей, которые связывают любой выбор со свободой человека. Вы можете выбирать любое понимание добра и зла. Вы только, пожалуйста, закон не нарушайте.

Я глубоко убежден, что то, что сейчас происходит в Европе, на Ближнем Востоке, во многих других местах, совершенно определенным образом связано с этой нравственной деградацией человека. Ликвидация, демонтаж глобальной нравственности, нравственного закона, которые Бог вложил в человеческую природу, это и есть страшный признак разрушения человеческой личности».

Как вы можете прокомментировать проблемы, затронутые Патриархом?

О. И.: Я думаю, не только Патриарх, но вся Церковь переживает сегодняшний день с тревогой за наш народ и особенно за молодежь. Патриарх как раз имел в виду нравственное состояние молодых людей. К сожалению, в большинстве своем они ориентированы на западную модель культуры, нравственность которой вызывает серьезные опасения. Здесь и легализация секс-меньшинств, их открытые парады, призывающие к какой-то эфемерной свободе, а по сути — разлагающие души. Конечно, в стране, где проживает большинство христиан, Патриарх, как отец Церкви, молится, чтобы Господь не допустил грязи, которая уже осквернила Европу.

Что мы видим в Европе? Наказание Господне за разврат. Приходят другие народы и занимают это место. Семьи пришлых народов, сохраняющие традиционные ценности, растут с геометрической прогрессией. А у коренных европейцев налицо демографический кризис.

Патриарх обеспокоен тем, чтобы до нас эта зараза не дошла, а если кто-то поддался ей, то нужно как-то с этими людьми работать, чтобы не допустить ее масштабного распространения, которое может разрушить наше общество.

И тут все упирается в традиционные семейные ценности. Семья — это все, это последняя крепость. Если сейчас развалить институт семьи, что пытаются делать многие структуры, такие, например, как ювенальная юстиция, которая может лишит родителей прав, грянут страшные последствия. Мы молимся, чтобы Господь не допустил этого.

Главное — не молчать. Мне приходилось быть духовником молодежного центра. Ребята ходили с плакатами, протестовали против той же ювенальной юстиции, потому что, если никто не будет говорить, эти античеловеческие законы будут входить как нечто естественное в общество. У нашей работы были результаты — тормозился процесс принятия

ювенального закона. Слава Богу, что пока у нас прислушиваются к мнению общественности.

Согласен, есть случаи, когда нужно детей спасать, но когда это идет поavalно, задумаешься... Несколько лет назад моя дочь обожгла руку. Отвезли ее в больницу. Так нас звонками из опеки замучили! Зачем лезть в нормальные семьи?

Еще и провоцируют детей на звонки: давайте, жалуйтесь. Это в корне неправильно. Это противоречит Священному Писанию. Мы читаем в Ветхом Завете: «Если не слушается тебя сын, не жалея розги, дабы он не вырос таким, который сядет тебе на шею и перестанет тебя уважать». Всегда в воспитании была уместна строгость. Мы знаем, например, как в казачьем обществе воспитывали. Я не говорю, что нужно бить детей: нет, бить не нужно, но бывают такие моменты, что и физическое воздействие стоит применить, чтобы спасти ребенка от беды, — все зависит от конкретной ситуации.

Замалчивать же проблемы, о которых говорит Патриарх, недопустимо, потому что молчанием предается Бог, предается правда. Мы знаем: пророки всегда изрекали правду, говорили ее людям, которые впадали в какие-то грехи, ошибки, за что, конечно, страдали — пророков убивали. Но все же через какое-то время к их слову люди прислушивались и старались изменить свою жизнь. И Церковь не молчит, она обязана говорить правду на всех уровнях — будь то с амвона храма, где служит священник, или с трибуны в городе, или в Законодательном собрании, где он будет выступать. Я вхожу в совет при Уполномоченном по правам ребенка Краснодарского края и стараюсь, если есть какие-то будоражащие моменты, свое мнение высказать. Не знаю: услышат, не услышат, но мое право — это сказать, сказать правду, как бы сказал сам Христос.

За душу человека нужно биться до последнего, потому что каждый пастырь ответственен за тот приход, в котором служит, за свой народ. Он должен говорить с людьми. Смысл жизни священника — не только служить Богу, но и говорить правду, призывать к нравственной жизни до конца. А там уже выбор человека — услышать или нет. Если услышит хоть кто-то и последует за Христом, он спасется. А это уже счастье.

Но есть люди с закрытым сердцем, и мало что сделаешь, если человек закрыт. Есть слепцы физические, а есть духовные. Господь в свое время говорил о таких слепцах: «Блажен, не кто увидит, а кто уверует». Поэтому роль Церкви — всегда говорить правду и призывать жить по этой правде, то есть уверовать.

М. С.: По благословию митрополита Екатеринодарского и Кубанского Исидора (Кириченко), в Комсомольском микрорайоне Краснодара начата работа по возведению храма в честь Святого Иоанна Крестителя, настоятелем которого Вы и являетесь. Расскажите о Ваших планах.

О. И.: Прежде всего, наша цель — построить сам храм, в котором мы будем собираться, служить Богу, чтобы приятно было молиться в храме, чтобы людям в храме

было хорошо, чтобы не хотелось оттуда уходить.

Также мы хотим, чтобы этот храм не просто функционировал для богослужения, а занимался просветительской деятельностью, социальным направлением. Обязательно должна быть воскресная школа. К сожалению, построить большую полноценную школу нет возможности, потому что и территория маленькая, и специальные нужны стандарты, которым мы не соответствуем.

Есть планы заниматься патриотическим воспитанием. Храм может вести совместную работу с казачьими классами. Для этого нужно привлечь тренеров, чтобы ребята проводили время с пользой не только для души, но и для тела. Хотим организовать физические тренировки. Это может быть тот же рукопашный бой, владение казачьей шашкой и так далее.

На территории храма разобьем парк — пусть люди приходят и отдыхают. Это будет место, открытое для всех.

Храм предполагается строить в византийском стиле. Мечтаем привлечь к этому греческое общество. Это будет единственный, неповторимый по архитектуре храм в Краснодаре — аналог храма Иоанна Предтечи в Керчи — как напоминание о том, что византийская культура стояла у истоков Православия и когда-то здесь начиналось строительство именно таких храмов.

М. С.: Протоиерей Дмитрий Смирнов одну из июньских программ 2016 года на телеканале «Союз» начал с чтения листовки с призывом поддержать строительство храма в честь Казанской иконы Божией Матери в Лосиноостровском районе Москвы. Жители этого района пишут: «Вот уже год, как нашей молодой общине и настоятелю будущего храма — батюшке, отцу Олегу Шалимову, не дают построить храм, который мы долго ждали и на который много лет оформляли все необходимые документы. Каждое воскресенье мы приходим на площадку, читаем вместе с отцом Олегом акафист Казанской Божией Матери, а беснующаяся толпа за ограждением свистит в свистки, включает бранные песни, показывает нам неприличные жесты, матерится, проклиняет. Эти люди в экстазе своей безнаказанности дошли до того, что 15 и 22 мая устроили настоящую травлю отца Олега: задержали его машину, плевали в него, обзывали священника». Меня эта картина поразила. Я не могла представить, что подобное возможно, да еще в самом сердце нашей страны. Можем ли мы говорить о росте антицерковных настроений в России? Сталкивались ли вы с подобным отношением?

О. И.: Безусловно, сталкивался и сталкиваюсь постоянно. Нельзя сказать, что на улице освистываются. Но сейчас, вы знаете, идет очень сильная информационная война. На многих сайтах, форумах после слова или службы Патриарха обязательно должны бросить ложку дегтя в бочку меда. Один бросил, другой подхватил. Любят у нас осудить, полить грязью всех, начиная от Патриарха и заканчивая священниками, того же отца Димитрия Смирнова. И с каким остервенением это все пишется! Сейчас это модно стало в отношении артистов, политиков, но к Церкви особая

ненависть. Хотя, что тут нового? Еще Христос сказал: «Не удивляйтесь, если вас будут поносить, ненавидеть ради моего имени. Так будет всегда, но будет вам награда на небесах».

И у нас есть недоброжелатели. С самого начала, как только администрация стала выделять нам землю для храма, нашлись такие словоохотливые ребята, которые тут же стали писать на нас доносы: Церковь такая-сякая, не давайте им землю, постройте баню, пусть будет что угодно, хоть мусорная свалка, но не храм. Такое ощущение, что церковь несет какой-то негатив. Но Церковь ведь проповедует Христа, добро, любовь друг к другу. Даже затея такая была у нас — не просто построить храм, а построить воскресную школу для детей, чтобы они учились закону Божьему, добру. Это полезно даже с точки зрения с морали и нравственности (оставим религию в покое) — любой родитель хотел бы, чтобы ребенок его был хорошо воспитан.

М. С.: Сегодня люди жалуются на одиночество, депрессию, агрессию...СМИ регулярно сообщают о росте детской жестокости, количества самоубийств, наркомании, алкоголизма.... Очевидно, что верующий человек более устойчив ко всем разрушительным воздействиям. Вера укрепляет и защищает. Почему же большинству так трудно переступить порог церкви? Обращаются к врачам, психологам, социальным педагогам, а то и к целителям, гадалкам... И лишь немногие — к священникам.

О. И.: Не знаю, почему. Священники всегда открыты в этом плане. В Церковь человека может не пускать только враг рода человеческого — дьявол: он предложит ему различные варианты — только не Церковь. А вот если бы человек начинал жизнь свою с Богом, у него бы не было таких проблем, как депрессия, одиночество. Человек верующий не одинок. У человека верующего — радость и Бог в сердце. Человек верующий никогда не совершит самоубийство. Недаром говорят: если Бог у тебя будет на первом месте, все остальное будет на своем. Это ответ на все вопросы.

Кто приходит в храм, начинает верить в Бога по-настоящему, тот работает над своей душой. Жизнь в Церкви — это труд. От так называемых «целителей» ждуть мгновенного результата. А Церковь предлагает: дорогой, ты знаешь, что путь к Богу очень узок, он предполагает, что ты будешь работать над собой. А ты готов молиться? А ты готов поститься? А ты готов что-то в своей жизни исправлять? Если не готов, тогда понятно: тебе не хочется палец о палец ударить. Господь говорил: «Только уподобляющий усилия над собой сподобляется Царствию Божьему». Другого пути нет.

М. С.: Казалось бы, сегодня родители должны бежать в Церковь...

О. И.: Парадокс: бегут куда угодно, но не в церковь. Некоторые родители даже приходят в школу, устраивают скандалы, чтобы не преподавалась православная культура. Как будто бы это какая-то проказа, которая испортит ребенка.

А у детей сердца чистые. Я прихожу на урок в 84-ю школу: детки смотрят с такой жадностью, когда я рассказываю о

Боге, как о каком-то празднике. Для них открывается новый мир. Зачем засорять в ребенке то, что чистое? Может, родители боятся, что из детей сделают каких-то религиозных фанатиков? Но Церковь не призывает стать аскетами. Она просто говорит: дорогие, живите мирно, уважайте друг друга. Мои слова на уроке: «Есть золотое правило этикета: не делай другим того, чего не желаешь себе сам».

И потом: на уроках мы разбираем, что такое добро, что такое послушание родителям, учителям. Что плохого в этом? Мне хотелось бы задать вопрос нашим противникам: что плохого священник может сказать в школе? Почему вы боитесь проповеди священника, который приходит на урок? Боитесь правды? Боитесь того, что ваши дети будут жить чисто и правильно? Боитесь, что они не будут делать подлости? Чего вы боитесь?

К тому же, сейчас даже не священники преподают, а люди, которые обучались преподаванию основ православной культуры. Священник приходит редко. Я прихожу два раза в год: на Рождество и на Пасху. Я бы чаще хотел, но не зовут.

М. С.: В статье «Пора прекращать жить по совести» иерей Иван Матюков пишет: «В 1988 году Русская православная церковь торжественно отметила 1000-летие Крещения Руси. В этот юбилейный год в ней насчитывалось: 21 монастырь, 6893 прихода, 2 духовные академии и 3 духовные семинарии.

Через 20 лет, в конце 2008 года, согласно статистике, приведенной митрополитом Ювением, в нашей Церкви было уже 478 монастырей, 29 263 прихода, духовенства — 30 670 человек, 11 051 воскресная школа. Действуют 5 духовных академий, 3 православных университета, 2 богословских института, 38 духовных семинарий, 39 духовных училищ». При этом, как отмечает автор публикации, Россия выбилась в мировые лидеры по абсолютной величине убыли населения; числу разводов и детей, рожденных вне брака; числу детей, брошенных родителями; количеству самоубийств среди детей и подростков; количеству аборт и материнской смертности и т.д. и т.п.

Чем вы объясните такую нелогичную обратно-пропорциональную зависимость? Церковь проигрывает эту войну?

О. И.: Нельзя сказать, что Церковь проигрывает. Во-первых, Церковь — организм, который создал сам Господь, и потому Церковь не может проиграть. Во все времена сохранялось, так сказать, «малое стадо». Господь пришел для всех. Апостолы понесли проповедь, пошли в языческие страны. Процесс христианизации происходил постепенно, и порой на это уходило сотни лет. Например, Рим. Сколько веков прошло, сколько крови пролито, чтобы он из языческого стал христианским!

В чем важность христианства? В чем сила христианской проповеди? В правде и в то же время в кротости. Христиане всегда служили личным примером. Возможно, сейчас не хватает личного примера. Сказать, что мало проповедей?

Нет, их много. Проходят крупные акции против абортот. Есть, молодежные движения, есть сестричество и тому подобное. Священники беседуют с женщинами. В женских консультациях проходят беседы, чтобы женщина не совершала такой грех, как аборт. Просто не все слышат.

К сожалению, наше общество во многом атеистическое. Возможно, отчасти это потому, что мы пережили семидесятилетие безбожия. Дети и внуки тех, кто когда-то рушил храмы, продолжают дело своих родителей, дедов и бабушек. Сейчас они не разрушают храмы, но живут такой жизнью, в которой Бог не нужен. Если в жизни человека нет Бога, ты, как ни стучи, не достучишься никогда. Дело в том, что Господь сотворил человека свободным, со свободной волей. Но если человек сделает один шаг к Богу, то Господь сделает ему навстречу десять шагов. Господь ждет от человека этот первый шаг, и если в нашей стране каждый его сделает — мир станет намного лучше.

М. С.: Вы говорите о семидесятилетии безбожия. Но ведь на Западе такого не было. Почему же тогда все разрушительные веяния идут оттуда?

О. И.: У нас ведь вообще всякая религия была запрещена. А западная Церковь — католическая — переживает духовный кризис. Если поехать в Испанию, например, можно увидеть, как пустуют католические храмы. Люди туда не ходят. Эти храмы отдают под бары, рестораны, дискотеки. Иногда передают православным приходам.

Может быть, кризис католической церкви исторически связан с инквизициями. Отсюда пошли первые протестанты: кальвинисты, англикане. На Руси такого не было. Был единственный раскол — никоновский, когда верующие разделились на старообрядцев и нынешних православных.

Сейчас все приходящие извне «проповедники» имеют целью развалить православное общество. Когда видят, что народ нельзя победить физически, в ход идут духовные средства...

Православная церковь никогда не навязывает себя. Недаром есть такая поговорка: насилию мил не будешь. Господь открыт для всех. Он лишь показал путь, хочешь — ступи на него.

Церковь живет по правде. Пример главный не в том, что ты будешь говорить, а в том, как будешь жить. Язычники видели, как живут христиане, как они помогают друг другу, как они любят друг друга, с какой любовью относятся даже к тем же язычникам. Так, во время чумы обычные люди разбегались, чтобы не заразиться, а христиане подбирали трупы всех, независимо от вероисповедания, и хоронили. Язычники смотрели и думали: почему эти люди живут так? Мы тоже хотим стать такими, как они. Это и была проповедь. Вот в чем отличие. Поэтому нужно опасаться тех людей, которые навязывают Бога. Бога нельзя навязать.

М. С.: По сути, для русских православная вера — вопрос выживания нации?

О. И.: Да. Достоевский сказал об этом: если ты русский,

значит ты православный. По-другому невозможно. «Русский» и «православный» — это слова-синонимы.

М. С.: Недавно был большой праздник — Крещение Господне. Отец Сергей Булгаков в «Настольной книге священнослужителя» пишет следующее:

«...В некоторых местах существует обычай в этот день купаться в реках (купаются в особенности те, которые на Святках перереживались, гадали и проч., суеверно приписывая этому купанью очистительную силу от этих грехов). Такой обычай нельзя оправдать желанием подражать примеру погружения в воде Спасителя, а также примеру палестинских богомольцев, купающихся в реке Иордане во всякое время. На востоке для богомольцев это безопасно, потому что там нет такого холода и таких морозов, как у нас.

В пользу такого обычая не может говорить и верование в целебную и очистительную силу воды, освященной Церковью в самый день крещения Спасителя, потому что купаться зимой — значит требовать от Бога чуда или же совершенно пренебрегать своей жизнью и здоровьем».

Так традиция окунаться в прорубь, купаться — это священный обряд или мирской? Это вера или суеверие?

О. И.: Это настолько прижилось в народе, что стало доброй традицией. В принципе ничего плохого в этом нет — в купаниях на Крещение, — но только если человек к этому подходит с верой и здравомыслием. Во время Крещения в ночную службу освещаются все водные источники (реки, озера, даже вода в кране в эту ночь освящена). И человек должен верить, что сам Господь своей благодатью невидимо освящает ее. Даже случаи исцеления были, когда человек к этому делу с верой подходит.

Есть даже отдельные приходы, которые находятся рядом с водоемами, где сначала совершают чин великого освящения воды, а потом все окунаются в воду. Это подбадривает наш народ, верящий в то, что вода крещенская имеет особую силу.

Но иногда на Крещение люди выпьют сначала, а потом пьяными лезут в воду — ну какое отношение это имеет к Богу?! Или считают, что, окунувшись в воду, грехи все смоют. Это не так. Очищение души возможно только через покаяние.

М. С.: Спасибо, батюшка, за интересную беседу.

О. И.: В заключение хочется пожелать читателям, чтобы каждый праздник Господь обновлял все ваши чувства, чтобы вы к этому стремились всей душой, чтобы вы учились любить Бога и ближнего. Потому что любовь — это самое главное в христианстве. Если мы научимся любить, у нас жизнь будет складываться по-другому. Нельзя забывать о любви: о ней нужно помнить всегда и задавать себе вопросы: Господи, а люблю ли я тебя? А люблю ли я ближнего? Тогда каждый день будет строиться у нас по-новому. Хочется пожелать вам Любви — настоящей, нетленной. ■